

УДК 392.8
ББК 63.52

ТРАДИЦИОННЫЕ НАПИТКИ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ ПРОСТРАНСТВА. ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ В ЮЖНОЙ ЕВРОПЕ

МИХАИЛ ЕВГЕНЬЕВИЧ КАБИЦКИЙ

(Российский государственный гуманитарный университет:
Российская Федерация, 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6;
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова:
Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4)

***Аннотация.** В современном этнографическом изучении питания принято уделять внимание не только составу и приготовлению пищи и напитков, но и практикам и традициям их употребления, связанным с ним нормам поведения, элементам этикета, комплексам значений, которые они несут, т.е. тому, что входит в понятие «культура потребления». Как и во многих других регионах мира, в Южной Европе вокруг употребления определенных алкогольных и безалкогольных напитков сложился устойчивый культурный контекст, локально привязанный к неким публичным пространствам, которые выступают как место общения, позволяя поддерживать сознание и чувство коллектива. Ряд аспектов данного традиционного явления проявляет значительную устойчивость, восходя отчасти, вероятно, к эпохе античности. С другой стороны, культура общественных пространств, связанных с употреблением напитков (таверн, баров, кафе и др.), переживает и достаточно динамичные изменения, влияющие на традиционный облик южноевропейской культуры и внимательно изучаемые в последнее время этноантропологами с применением ряда новаторских подходов.*

***Ключевые слова:** традиционные напитки, общественные пространства, социальность, южноевропейская этнология.*

Данная статья опирается на идеи и материалы, впервые представленные на III Международном полевом этнографическом симпозиуме, посвященном напиткам в народной культуре и проходившем в сентябре 2018 г. в Ижевске. Автор выражает благодарность организаторам и участникам симпозиума, некоторые из выступлений которых перекликаются с данной темой.

***Дата поступления статьи:** 14 марта 2019 г.*

***Дата публикации:** 25 сентября 2019 г.*

***Для цитирования:** Кабицкий М.Е. Традиционные напитки и общественные пространства. Опыт изучения в Южной Европе // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 3. С. 131–138.*

***DOI:** 10.26158/ТК.2019.20.3.011*

В современном этнографическом изучении питания принято уделять внимание не только составу и приготовлению пищи и напитков, но и практикам и традициям их употребления, связанным с ним

нормам поведения, элементам этикета, комплексам значений, которые они несут, т.е. тому, что входит в понятие «культура потребления» [Кабицкий 2011, 4], ведь «питье, как и еда, — акт не чисто индиви-

дуальный», а связанный «с системой социокультурных норм, с которыми индивид должен всегда считаться» [Suremain, Chaudat 2006, 9].

Как и во многих других регионах мира, в Южной Европе вокруг употребления определенных алкогольных и безалкогольных напитков сложился устойчивый культурный контекст, локально привязанный к неким *публичным пространствам* и институтам коллективного общения (*социальности*).

Ряд аспектов данного традиционного явления проявляет значительную устойчивость, восходя отчасти, вероятно, к эпохе античности. Как известно, многие современные (преимущественно западные) культуры претендуют на наследие античности, но страны Южной и Латинской Европы среди них занимают особое положение — их связывает с Древней Грецией и Древним Римом непосредственная географическая, демографическая и языковая преемственность, а также преемственность культуры, в том числе виноделия и употребления вина.

К наследию античности в современной культуре относится, в частности, и концепт симпозиума (симпосий, греч. *συμπόσιον* — попойка, пирушка). Как и почему идея «попойки» эволюционирует в понятие научного мероприятия?

Прежде всего, отметим, что симпосий в античной культуре обособлялся как мероприятие, отдельное от собственно обеда (ужина). В этом смысле в западной культуре Нового времени с ним может быть сопоставлена традиция беседы за десертом, чаем, портвейном, кларетом и т.п.

Во-вторых, это занятие никоим образом не осуждаемое, а напротив — престижное, торжественность которого подчеркивается увенчиванием участников венками (и вообще пир нередко устраивался, как и в современной культуре, чтобы отметить значимое для людей событие [Ильмова 2010, 199]), а определенное религиозное значение — совершаемым в начале его жертвоприношением богам в форме возлияния (отсюда современный смысл слова «возлияние» как выпивки).

Наконец, самое главное в содержании симпозиума — общение. Пирующие могли развлекаться пением, загадыванием загадок, играми [Ирмшер 1989, 525]; события времяпрепровождения, конечно,

различались в зависимости от состава участников и их интересов [Алферова 2000, 317]; не только у высших слоев, но и у простых людей они проводились по определенным правилам [Сергеенко 2000, 120]; в то же время чем более культурны и образованны участники симпозиума, тем вероятнее, что основным содержанием его будет интеллектуальная беседа на серьезные темы: научные, религиозные, философские и т.п. [Винничук 1988, 258]. «Пир был в большей степени явлением социальной жизни, чем поводом предаться удовольствиям винопития» [Veune 1991; Díaz-Plaja 1995, 130], что породило целую традицию художественных, научных и философских сочинений в форме описания беседы на пиру, или в симпосии (у Платона, Ксенофонта, Плутарха, Афиня, Лукиана, Петрония, Макробия и др.).

Сами южноевропейские авторы отмечают связь античных симпосиев с позднейшей традицией светского интеллектуального общения: «...когда пиршественный зал больше походит на *салон* (курсив наш. — М. К.), чем на столовую, то значит, что достигнут идеал симпозиума и уже невозможно перепутать его с простонародной гулянкой» [Díaz-Plaja 1995, 130].

В рамках этой позднейшей традиции отметим такую институцию, как *тертулия*. Широко распространенная у иберийских народов, она мало известна в нашей стране. Лишь в дореволюционном Словаре иностранных слов А.Н. Чудинова содержится краткая статья, определяющая тертулию как «род вечерних собраний, литературно-музыкально-вокальные вечера». Однако современная тертулия ассоциируется все же преимущественно с устным общением, а не с музицированием.

Тертулию иногда сопоставляют с английскими клубами, итальянскими «академиями», французскими (и прочими) светскими салонами, тем не менее она остается явлением своеобразным. От первых она отличается более неформальным характером: членство в ней обычно не фиксируется, правила не регламентируются в письменной форме. В отличие от салона, тертулия — институция более публичная (и в этом состоит разница также и с характерным для античной культуры *приватизмом* древнего симпозиума): тертулия чаще собирается в кафе, баре, таверне (в прошлом также в специальном

помещении при аптеке — исп. *rebotica*), а не в частных домах¹.

Участие в тертулиях, как и в античных симпозиах, не ограничивается принадлежностью к какому-то (в частности, высшему) классу или слою общества, хотя они объединяют, как правило, людей, принадлежащих к одному кругу. Существуют тертулии крестьянские, рабочие, буржуазные, интеллигентские. Соответственно и темы для обсуждения могут быть самыми различными: коррида, футбол, политика, искусство, литература. Именно последняя подчас особо выделяется, и литературные тертулии как явление обычно привлекают к себе наибольшее внимание в силу того значения, которое такой вид общения писателей и поэтов имел и имеет для их творчества и развития литератур иберийских стран. Таким образом, данное явление описано весьма широко, хотя и несколько односторонне: бесчисленные упоминания и описания тертулий встречаются и у беллетристов, и у бытописателей и краеведов [Robles 1938; Tudela 1984; Urreiztieta 1985; Espina 1995; Gelz 2006; Bonet 2012], но это преимущественно тертулии литературные.

В качестве лишь одного из множества, но весьма яркого примера упомяну блестящее отображение тертулии поэтов в романе испанского писателя лауреата Нобелевской премии Камило Хосе Селы «Улей» (1951) и в снятом по нему одноименном художественном фильме. В обстановке послевоенной нищеты группа поэтов пытается во что бы то ни стало поддерживать марку и традицию и регулярно собирается на тертулию за столиком роскошного кафе, при этом они пьют только воду, так как у них обычно нет денег даже на чашку кофе.

Обратим внимание и на то, что места сбора тертулий и других подобных форм социальности: таверна, бар, кафе — это, как уже отмечалось, не только (и не столько) объект общепита, сколько публичное пространство, место общения, позволяющего поддерживать сознание общности и чувство коллектива [Кабидкий 2014, 100]. В условиях напряженного ритма современной жизни не всегда может быть осуществимо длительное пребывание в них в вечерние часы, но характерно, например, что хотя бы минимальное участие в этом социальном

общении обеспечивается тем, что во всех странах Южной и Латинской Европы значительная часть людей завтракает не дома, а в баре (кафе), обычно одним и тем же.

Для других, более северных частей Европы, и в частности для России, это нехарактерно. В отношении культурных различий показательна, например, такая деталь: когда ожидалась (в итоге не состоявшаяся) передача Францией России вертолетоносцев типа «Мистраль», штаб российского ВМФ счел условия на борту не соответствующими нашим традициям. Военных смутило, как пишет газета «Известия», наличие бара для личного состава, и это помещение в проекте заменили на традиционную кают-компанию. «Согласно корабельному Уставу ВМФ, каждый военнослужащий должен воздерживаться от вредных привычек, в том числе от употребления алкоголя. На наших кораблях местом, где собирался для отдыха и развлечения личный состав, всегда была и остается кают-компания», — сообщил представитель Главного штаба ВМФ. «Бар нам не нужен — мы к этому не приучены, не воспитаны, как французы», — отметил контр-адмирал в отставке Владимир Захаров [Криворучек 2014].

О значении бара в южноевропейской культуре подробно говорит А. В. Павловская: «...это не просто помещение, где выпивают случайные люди, это особый мир: место сбора знакомых и близких людей, где можно и выпить, и пообщаться, и обменяться новостями, и встретить друзей, и себя показать, и других посмотреть. Это центр общественной жизни...» Исследовательница приводит пример иностранца, который не был принят местными жителями «за своего», пока не стал завсегдаем бара [Павловская 2006, 177, 183].

Завсегдатаи бара (таверны) иногда называются «прихожанами» (исп. *parroquianos*), используются и другие религиозные аллюзии в соответствующих терминах: «...ежедневная литургия “винца” (исп. диал. *vinín*) священна в леонских землях, и дружба, приятное времяпрепровождение, деловое общение или прогулка не мыслятся без обязательного визита к барной стойке» [Gancedo 2014]. Значение таверны испанский краевед Хавьер Томе

¹ И в этом одно из ее отличий от другой иберийской традиции устного общения — так называемой собремесы.

резюмирует так: «таверна всегда была народным университетом» [Там же].

Приведем лишь пару примеров из бесчисленного множества присутствующих в литературе отражений данного феномена. В романе испанского писателя, уроженца Валенсии Висенте Бласко Ибаньеса «Хутор» (La Barraca, 1898) проводится прямая аналогия между требованием к герою (которого местные жители считают чужаком) уйти из таверны и приказом покинуть свою землю, дом и вообще эту местность: «От него требовалось не то чтобы он ушел из трактира (в оригинале: *taberna*. — М.К.) и тем избавил сборище от своего ненавистного присутствия: нет! ему под страхом смерти повелевалось покинуть землю, которая стала плотью от плоти его, бросить навсегда тот домик, где испустил дух его ребенок и где каждый угол напоминал о страданиях и радостях его семьи в борьбе с нищетою»².

Мексиканский писатель Грегорио Лопес-и-Фуэнтес в одном из своих сатирических рассказов противопоставляет молодого, прогрессивного и гуманного врача — доктора Клементе и старого, скупого ретрограда — доктора Амаргоне. Клементе бесплатно лечит неимущего пациента и на вопрос, чем тот может его отблагодарить, просит его прийти вечером в кондитерскую и просто рассказать всё, как было. Итог этой истории не оправдывает ожиданий Клементе, но для нас важно здесь отметить тот факт, что, приглашая пациента зайти в «кондитерскую на площади», молодой врач мог быть уверен, что там будет и его соперник, и вообще все «сливки» местного общества.

В странах Латинской Америки кондитерская (исп. *confitería*) играет роль, аналогичную таверне или кафе, где собирается испанская тертулия. Существует и феномен «литературных кондитерских» (исп. *confiterías literarias*). Некоторые кондитерские (такие, как «Идеал», «Мельница», «Ричмонд», «Филки» в Буэнос-Айресе, «Золото Рейна» в Монтевидео, «Торрес» в Сантьяго, «Колумб» в Рио-де-Жанейро) признаны историческим достоянием благодаря своему

значению в культуре и тем выдающимся людям, которые были их посетителями.

Традиция заведений, предназначенных для питья и общения, в их различных видах изучается в последнее время в русле такого подхода, как исследование общественных пространств и связанных с ними структур социальности. Он исходит из идей Ю. Хабермаса о публичном пространстве, высказанных им в докторской диссертации [Habermas 1962]³, и далее развивается, в частности, французскими [Agulhon 1977; Baudrillard et al. 1991] и южноевропейскими исследователями⁴.

Отметим две существенные черты данной *устойчивой традиции*, идущей в некоторых отношениях, как уже сказано, от античности. Прежде всего, посещение таких собраний и заведений (в том числе таверн, баров) рассматривается как явление *нормальное* в социокультурном плане, более того — ожидаемое и никоим образом не вызывает осуждения (осуждается только злоупотребление), в отличие от того, что могло иметь место в других традициях, например, в отношении кабаков в русской культуре [Прыжов 2009; ср.: Травер 2013]. Кроме того, таверна или бар традиционно воспринимаются как преимущественно «мужское» пространство (преимущественно мужскими всегда были и тертулии; то же, кстати, касается и античных симпозиев), и во многом это восприятие сохраняется до сих пор.

В то же время вековые (и даже тысячелетние) традиции данных институтов не означают, что они лишены динамики и на протяжении истории не подвергались переменам. Примерно в середине XVIII в. в культуру стран Южной Европы входит такая новая форма, как европейская кофейня или кафе⁵, быстро завоевывавшая популярность в кругах городской социальной и интеллектуальной элиты в ущерб традиционной таверне. Среди простонародья и в сельской местности таверна еще долго сохраняет свое значение.

Эту смену старых форм новыми рассмотрел португальский антрополог

² Перевод с испанского В. Кошевич.

³ Считаем, что в российской науке эти идеи трактуются в слишком узком, лишь социополитическом смысле и недооценивается их культурно-антропологическое значение.

⁴ В частности, хотелось бы отметить несколько статей в энциклопедическом издании «Современная Португалия. Традиции» в разделе «Пространства и социальность» [Portugal Moderno 1991, 167–206].

⁵ Особую тему составляет средиземноморская традиция кофейни, возникшая под влиянием восточных народов. См. интересный сборник «Кофе в Средиземноморье» [Le Café 1980].

Мигел Вали ди Алмейда в исследовании «От таверны к кафе» [Almeida 1991]. М. В. ди Алмейда выделяет три важных момента, характеризующих различия между этими явлениями. Первый: таверна воспринимается как заведение традиционное и низкостатусное, кафе (и отчасти бар) — как более современное, комфортное и престижное. При этом в более крупных населенных пунктах обычно имеется множество заведений, посещение которых для человека определяется его социальным и имущественным положением, возрастом, политическими взглядами, интересами и личными отношениями.

Второй момент связан с первым и состоит в том, что различается *ассортимент* потребляемых напитков (вино — в таверне, кофе и особенно пиво в кафе). Вино в таверне, обычно местное и даже домашнее, ассоциируется со старой деревенской культурой; пиво — как продукт марочный (брендированный), рекламируемый, воспринимается как престижный элемент культуры общества потребления. В странах, которые принято относить к так называемому «виновому поясу» (в том числе и странах Южной Европы), наблюдается победное шествие пива, а многовековые практики и традиции употребления вина уходят в прошлое.

Третий момент касается «мужского» статуса таверны. Часто указывают, что в отношении устойчивых гендерных предписаний традиции в послевоенный период происходит революция, и сегодня подобные заведения посещаются в равной степени женщинами и мужчинами. Однако это верно лишь отчасти, во-первых, применительно к большим кафе, во-вторых — в большей степени к крупным (и средним) городам. Мне уже приходилось отмечать, кстати, что привычная для нас дихотомия «город/деревня» неадекватна для Южной Европы, где скорее имеет место трехчастная типология, и между городом и деревней находится то, что можно назвать малым городом (местечком) или поселком [Кабицкий 2014]. Будучи в подобном местечке — Аритцо, в глубине острова Сардиния, и заходя вечером

в таверну, мы имели возможность наблюдать большое стечение местных жителей, но практически исключительно мужчин.

М. В. ди Алмейда в полевом исследовании в небольшом населенном пункте в португальской провинции Алентежу также отметил, что новые заведения, именуемые сегодня «кафе» и не связанные с прежней таверной, «посещаются почти исключительно мужчинами». Точнее, присутствие женщин там ограничивается в основном «мертвыми часами», когда не бывает большой концентрации посетителей-мужчин: утром, после обеда и днем в воскресенье. В этом отношении новые кафе унаследовали и продолжают традицию старой таверны. Исследователь проводит любопытную параллель, называя их «мужскими домами», и отмечает, что у мужчин домоседство и одиночество не одобряются (как антиобщественное или немужское поведение), так что посещение таких заведений оказывается если и не принудительным, то весьма желательным. Отметим, что указанное дословно применимо также к мужским собраниям в античной Греции⁶, которые Ю. В. Андреев в интереснейшем исследовании сопоставляет с известными этнографам мужскими (тайными) союзами и мужскими домами [Андреев 2004, 228–229, 251].

В странах Южной Европы еще со времен античности мужчина, по-видимому, как в силу особенностей климата, так и общинно-полицейских традиций, значительную часть времени проводил вне дома⁷. Выработались, в частности, соответствующие формы проведения досуга — коллективные, более или менее публичные, исключительно мужские. Эти формы предполагали совместное употребление тонизирующих и опьяняющих напитков, сопровождаемое игрой, музыкой и особенно беседой.

Данная традиция, как мы пытались продемонстрировать, сохраняет преемственность на протяжении тысячелетий, но одновременно эволюционирует, динамично меняется, включает новые элементы; иными словами, мы и сегодня можем наблюдать устойчивость традиции в новых формах.

⁶ Применительно к современной Греции см. интересные исследования Э. Папатаксиархиса и Дж. Фотиадеса [Photiades 1965; Papataxiarchis 1991].

⁷ Женщинам патриархальная культура предписывала иную модель поведения, и от них чаще ожидалось пребывание дома. Однако степень затворничества женщин, по-видимому, сильно варьировала от народа к народу. Так или иначе, в традиционной культуре у женщин имелись свои, иные публичные пространства встреч и общения: рынки, источники воды и т.п.

Источники и материалы

Алферова 2000 — Римские древности: краткий очерк / Под ред. И. В. Алферовой. Смоленск, 2000.

Винничук 1988 — *Винничук Л.* Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Древнего Рима. М., 1988.

Ирмшер 1989 — Словарь античности / Сост. Й. Ирмшер, Р. Йоне. М., 1989.

Криворучек 2014 — *Криворучек А.* Моряков на русских «Мистральях» лишили бара и двухместных кают // *Известия*. 2014. 09.07. URL: <https://iz.ru/news/573590> (дата обращения: 10.09.2018).

Сергеенко 2000 — *Сергеенко М. Е.* Жизнь Древнего Рима. СПб., 2000.

Gancedo 2014 — *Gancedo E. Javier* Tomé: “La taberna siempre ha sido la universidad del pueblo” // *Diario de León*. 2014. 09.01.

Исследования

Андреев 2004 — *Андреев Ю. В.* Мужские союзы в дорийских городах-государствах (Спарта и Крит). СПб., 2004.

Ильмова 2010 — *Ильмова Ю. А.* Римская гастрономическая культура III–II вв. до н. э. // *Ярославский педагогический вестник*. 2010. № 1. С. 199–203.

Кабицкий 2011 — *Кабицкий М. Е.* Антропология пищи и питания сегодня. Введение в тему // *Этнографическое обозрение*. 2011. № 1. С. 3–7.

Кабицкий 2014 — *Кабицкий М. Е.* Феномен малого города/поселка в Южной Европе: к постановке проблемы // *Малые города — большие проблемы*. М., 2014. С. 87–116.

Павловская 2006 — *Павловская А. Н.* Италия и итальянцы. М., 2006.

Прыжов 2009 — *Прыжов И. Г.* История кабаков в России в связи с историей русского народа. М., 2009.

Травер 2013 — *Травер П. В.* История и образ кабака и трактира в русской культуре // *История и современность*. 2013. № 1. С. 90–109.

Agulhon 1977 — *Agulhon M.* Le Cercle dans la France bourgeoise, 1810–1848. Étude d'une mutation de sociabilité // *Cahiers des Annales*. 1977. № 36. P. 100–101.

Almeida 1991 — *Almeida M. V. de.* Da taberna ao café: a casa dos homens // *Portugal Moderno. Tradições. Enciclopédia temática*. Lisboa, 1991. P. 176–181.

Baudrillard et al. 1991 — *Baudrillard J. et al.* Citoyenneté et urbanité. Paris, 1991.

Bonet 2012 — *Bonet Correa A.* Los cafés históricos. Madrid, 2012.

Díaz-Plaja 1995 — *Díaz-Plaja F.* La vida cotidiana en la España romana. Madrid, 1995.

Espina 1995 — *Espina A.* Las tertulias de Madrid. Madrid, 1995.

Gelz 2006 — *Gelz A.* Tertulia. Literatur und Soziabilität im Spanien des 18 und 19 Jahrhunderts. Frankfurt, 2006.

Habermas 1962 — *Habermas J.* Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Frankfurt, 1962.

Le Café 1980 — *Le Café en Méditerranée. Histoire, anthropologie, économie*. XVIII–XX siècle. Aix-en-Provence, 1980.

Papataxiarchis 1991 — *Papataxiarchis E.* Friends of the heart: Male commensal solidarity, gender and kinship in Aegean Greece // *Contested identities: Gender and kinship in modern Greece* / Ed. by P. Loizos, E. Papataxiarchis. Princeton, 1991. P. 156–179.

Photiades 1965 — *Photiades J.* The position of the coffeehouse in the social structure of the Greek village // *Sociologia Ruralis*. 1965. № 5. P. 45–53.

Portugal Moderno 1991 — *Portugal Moderno. Tradições. Enciclopédia temática*. Lisboa, 1991.

Robles 1938 — *Robles J., Shoemaker W. H.* Tertulias españolas. New York, 1938.

Suremain, Chaudat 2006 — *Suremain C.-E., Chaudat P.* Des normes à boire et à manger // *Journal des anthropologues*. 2006. № 106–107. P. 9–14.

Tudela 1984 — *Tudela M.* Aquellas tertulias de Madrid. Madrid, 1984.

Urreiztieta 1985 — *Urreiztieta J. L.* Las tertulias de rebotica en España (siglo XVIII — siglo XX). Madrid, 1985.

Veyne 1991 — *Veyne P.* La Société romaine. Paris, 1991.

© М. Е. Кабицкий, 2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кабицкий М. Е. <https://orcid.org/0000-0003-2878-1067>

Кандидат исторических наук, доцент Учебно-научного центра социальной антропологии Российского государственного гуманитарного университета: Российская Федерация, 125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6; тел.: +7 (499) 973-40-94; доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова: Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, д. 27, корп. 4; тел.: +7 (495) 939-55-77; e-mail: kabitski@yahoo.es

TRADITIONAL DRINKS AND PUBLIC SPACES: AN INVESTIGATION OF SOUTHERN EUROPE

MIKHAIL YE. KABITSKIY

(Russian State University for the Humanities: 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russian Federation;
M.V. Lomonosov Moscow State University: 24–4, Lomonosovskiy av., Moscow, 119991, Russian
Federation)

Summary. *In the modern ethnographic study of nutrition, it is customary to pay attention not only to the composition and preparation of food and drink, but also to the practices and traditions of their use, behavioural norms, elements of etiquette, and the complexes of meanings that they carry — the things that are included in the notion of “the culture of consumption”. As in many other regions of the world, in Southern Europe a stable cultural context has developed around the use of certain alcoholic and non-alcoholic beverages that are attached to certain public spaces. These act as a place of communication, allowing people to preserve their sense of community and local consciousness. Various aspects of this traditional phenomenon show considerable stability, probably going back, at least in part, to classical times. On the other hand, the culture of public spaces associated with the use of beverages (e.g., taverns, bars, cafés) is also undergoing dynamic change that affects the traditional image of southern European culture and which is being carefully studied by ethno-anthropologists using a number of innovative approaches.*

Key words: traditional drinks, public spaces, sociability, South European ethnology.

Acknowledgements. *This article is based on the ideas and materials first presented at the III International Field Ethnographic Symposium devoted to drinks in folk culture, held in September 2018 in Izhevsk. The author expresses gratitude to the organizers and participants of the symposium, some of whose presentations intersect with this topic.*

Received: March 14, 2019.

Date of publication: September 25, 2019.

For citation: Kabitskiy M. Ye. Traditional drinks and public spaces: An investigation of Southern Europe. *Traditional culture*. 2019. Vol. 20. No. 3. Pp. 131–138. In Russian.

DOI: 10.26158/TK.2019.20.3.011

References

Agulhon M. (1977) *Le Cercle dans la France bourgeoise, 1810–1848. Étude d’une mutation de sociabilité [Gentlemen’s clubs in bourgeois France, 1810–1848: A study of a mutation of sociability]. Cahiers des Annales*. 1977. No. 36. Pp. 100–101. In French.

Almeida M. V. de. (1991) *Da taberna ao café: a casa dos homens [From the tavern to the cafe: The “men’s house”]. In: Portugal Moderno. Tradições. Enciclopédia temática [Modern Portugal: Traditions. Thematic encyclopedia]. Lisbon*. Pp. 176–181. In Portuguese.

Andreyev Yu. V. (2004) *Muzhskiy soyuz v doriyskikh gorodakh-gosudarstvakh (Sparta i Krit) [Male associations in Dorian city-states (Sparta and Crete)]. St. Petersburg*. In Russian.

Baudrillard J. et al. (1991) *Citoyenneté et urbanité [Citizenship and urbanity]. Paris*. In French.

Bonet Correa A. (2012) *Los cafés históricos [Historic cafés]. Madrid*. In Spanish.

Díaz-Plaja F. (1995) *La vida cotidiana en la España romana [Everyday life in Roman Spain]. Madrid*. In Spanish.

Espina A. (1995) *Las tertulias de Madrid [The tertulias (social gatherings) of Madrid]. Madrid*. In Spanish.

Gelz A. (2006) *Tertulia. Literatur und Soziabilität im Spanien des 18 und 19 Jahrhunderts [The tertulia (social gathering): Literature and sociability in 18th and 19th century Spain]. Frankfurt*. In German.

Habermas J. (1962) *Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft [Structural change of the public sphere: Investigations into a category of civil society]. Frankfurt*. In German.

Ilmova Yu. A. (2010) *Rimskaya gastronomicheskaya kul’tura III–II vv. do n.e. [Roman gastronomic culture of the 3rd — 2nd centuries BC]. Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik [Yaroslavl pedagogical bulletin]*. 2010. No. 1. Pp. 199–203. In Russian.

Kabitskiy M. Ye. (2014) *Fenomen malogo goroda/poselka v Yuzhnoy Evrope: k postanovke problemy [The phenomenon of a small town/village in Southern Europe: Toward posing a question]. In: Malye goroda — bol’shiye problemy [Small towns — big problems]. Moscow*. Pp. 87–116. In Russian.

Kabitskiy M. Ye. (2011) Antropologiya pishchi i pitaniya segodnya. Vvedeniye v temu [The anthropology of food and nutrition today: An introduction to the topic]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic review]. 2011. No. 1. Pp. 3–7. In Russian.

Le Café (1980) Le Café en Méditerranée. Histoire, anthropologie, économie. XVIIIe–XXe siècle [The café in the Mediterranean: History, anthropology, economy. 18th — 20th centuries]. Aix-en-Provence. In French.

Papataxiarchis E. (1991) Friends of the heart: Male commensal solidarity, gender and kinship in Aegean Greece. In: *Contested identities: Gender and kinship in modern Greece*. Ed. by P. Loizos, E. Papataxiarchis. Princeton. Pp. 156–179. In English.

Pavlovskaya A. N. (2006) Italiya i ital'yantsy [Italy and the Italians]. Moscow. In Russian.

Photiades J. (1965) The position of the coffee-house in the social structure of the Greek village. *Sociologia Ruralis*. 1965. No. 5. Pp. 45–53. In English.

Portugal Moderno (1991) Portugal Moderno. Tradições. Enciclopédia temática [Modern Portugal: Traditions. Thematic encyclopedia]. Lisbon. In Portuguese.

Pryzhov I. G. (2009) Istoriya kabakov v Rossii v svyazi s istoriyey russkogo naroda [The history of taverns in Russia in connection with the history of the Russian people]. Moscow. In Russian.

Robles J., Shoemaker W. H. (1938) Tertulias españolas [Spanish tertulias (social gatherings)]. New York. In Spanish.

Suremain C.-E., Chaudat P. (2006) Des normes à boire et à manger [Standards of eating and drinking]. *Journal des anthropologues* [Anthropologists' journal]. 2006. No. 106–107. Pp. 9–14. In French.

Traver P. V. (2013) Istoriya i obraz kaba-ka i traktira v russkoy kul'ture [The history and image of the tavern in Russian culture]. *Istoriya i sovremennost'* [History and modernity]. 2013. No. 1. Pp. 90–109. In Russian.

Tudela M. (1984) Aquellas tertulias de Madrid [The tertulias (social gatherings) of Madrid]. In Spanish.

Urreiztieta J. L. (1985) Las tertulias de rebotica en España (siglo XVIII — siglo XX) [Back room gatherings in Spain (18th — 20th centuries)]. Madrid. In Spanish.

Veyne P. (1991) La société romaine [Roman society]. Paris. In French.

© M. Ye. Kabitskiy, 2019

ABOUT THE AUTOR

Mikhail Ye. Kabitskiy <https://orcid.org/0000-0003-2878-1067>

E-mail: kabitski@yahoo.es

Tel.: +7 (499) 973-40-94

6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russian Federation

PhD in History, Assistant Professor, Teaching Scientific Centre of Social Anthropology, Russian State University for the Humanities

Tel.: +7 (495) 939-55-77

24-4, Lomonosovskiy av., Moscow, 119991, Russian Federation

Assistant Professor, History Department, M. V. Lomonosov Moscow State University

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)